

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.3>

Аверьянов Антон Викторович

Особенности партийного строительства среди дисперсных этносов на Дону, Кубани и в Черноморье в 1920-1930-е гг.

В статье исследуются основные направления и механизмы партийного строительства в национальной среде на Дону, Кубани и в Черноморье в 1920-1930-е гг. Выявлены темпы, специфика, противоречия вовлечения представителей дисперсных этносов в местные структуры большевистской партии. Проведён сравнительный анализ данного процесса в нацобщинах. Доказывается, что наибольших результатов в деле партийного строительства среди дисперсных этносов удалось добиться в национальных районах. Однако и там по сравнению с другими формами интеграции партийное строительство испытывало значительные трудности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 21-25. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47-57)1917/1991

Дата поступления рукописи: 09.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.3>

В статье исследуются основные направления и механизмы партийного строительства в национальной среде на Дону, Кубани и в Черноморье в 1920-1930-е гг. Выявлены темпы, специфика, противоречия вовлечения представителей дисперсных этносов в местные структуры большевистской партии. Проведён сравнительный анализ данного процесса в нацобщинах. Доказывается, что наилучших результатов в деле партийного строительства среди дисперсных этносов удалось добиться в национальных районах. Однако и там по сравнению с другими формами интеграции партийное строительство испытывало значительные трудности.

Ключевые слова и фразы: Северо-Кавказский край; Дон; Кубань; Черноморье; дисперсные этносы; национальные меньшинства; партийное строительство.

Аверьянов Антон Викторович, к.и.н., доцент
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
avaveryanov@sfedu.ru

Особенности партийного строительства среди дисперсных этносов на Дону, Кубани и в Черноморье в 1920-1930-е гг.

Анализ исторического опыта интеграционных практик в России в сфере национальных отношений до сих пор сохраняет свою **актуальность**, в том числе в традиционно полиэтничном южнороссийском регионе. В советский период в условиях радикальной трансформации этносоциальной и политической структуры общества на Дону и Северном Кавказе этот вопрос приобрёл новое политическое звучание. **Цель** настоящей статьи – выявление и анализ основных направлений и механизмов партийного строительства на Дону, Кубани и в Черноморье как ключевой составляющей политики интеграции национальных меньшинств в советский период. **Научная новизна** исследования обусловлена комплексным освещением процесса и результатов партийного строительства в национальной среде в 1920-1930-е гг. На основе анализа широкого круга архивных источников проведён сравнительный анализ партийного строительства среди дисперсных этносов на Дону, Кубани и в Черноморье.

В современной историографии термин «дисперсные этносы» достаточно широко используется в научной литературе [3]. Проблемой изучения дисперсных этносов на Дону и Северном Кавказе в 1920-1930-е гг. занимается целый ряд исследователей, в том числе В. З. Акопян [1; 2], И. Ю. Васильев [4], И. Г. Иванцов [8], М. Е. Игнатова [9] и другие. Под этим термином следует понимать представителей тех национальностей, которые небольшими группами проживали в иноэтничной среде за рамками собственных национальных автономий или не имели их вовсе. Специфика Юго-Востока Европейской части России состояла в том, что в регионе традиционно проживало большое количество этносов, которых можно отнести к дисперсным, в том числе немцы, армяне, греки, туркмены, калмыки и другие народы. Значительная их часть населяла территории Дона, Кубани и Черноморья, которые в 1934 г. были выделены из Северо-Кавказского края и преобразованы в Азово-Черноморский край [19, с. 74].

С середины 1920-х гг. в регионе стали активно создаваться национальные районы и сельсоветы. Предполагалось, что компактное расселение этнических групп в рамках самостоятельных административных образований позволит значительно облегчить их советизацию. Ключевое значение придавалось вовлечению представителей национальных меньшинств в партийные структуры, которые должны были стать главными проводниками политики партии и государства в этнической среде. Спектр вопросов, которые курировали местные партийные ячейки, был чрезвычайно широк. Среди них: идеологическая пропаганда, культурное и советское строительство, антирелигиозная работа, политика коренизации, кооперации, коллективизации, курирование хозяйственной сферы жизни национальных меньшинств, работа с беспартийным активом и т.д.

К началу 1920-х гг. особенностью партийного актива в национальной среде на Юго-Востоке была его крайняя малочисленность и низкий качественный состав на всех уровнях. Значительную часть партийных работников в национальных районах и сельсоветах составляли русские функционеры, которые не пользовались авторитетом со стороны нацменьшинств. В числе причин низкой представленности дисперсных этносов в партийных структурах – большой процент неграмотных, плохое знание русского языка, традиционное влияние духовенства и консервативный культурно-бытовой уклад жизни, аполитичность и др. На заседании Армавирского окружкома Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) в 1927 г. констатировалось, что «в ряде населенных пунктов Армавирского округа, компактно заселённых немцами, партийные и комсомольские органы отсутствовали, за исключением Великокняжеской и Рождественского...». Однако состав этих ячеек был почти исключительно русским [10, д. 84, л. 38].

Многие партийцы-нацмены, в том числе ответственные работники, были неграмотны или малограмотны. Значительная часть из них (главным образом рабочие или служащие, которые проживали в городах и обрусели) плохо владели родным языком и не могли вести полноценной работы в национальной среде. В многонациональном Армавирском округе, где проживала большая часть немецкого населения Северо-Кавказского края – около 20 тыс. человек, – отмечалось, что «партийцев-немцев имеется в округе всего – 30, из них 27 мужчин, 3 женщины, а также 25 комсомольцев», из которых «85% неграмотных: особенно политически, ни на русском, ни на немецком языке, 10% малограмотны и только 5% могут работать среди немецкого населения» [Там же, д. 98, л. 27].

На заседании Польско-Литовской секции Агитпропколлегии Армавирского округа 26 апреля 1927 г. констатировалось, что «на 2 тыс. проживавших в Армавирском округе (1264 чел. в Армавире) поляков и литовцев в составе партийного актива значилось 18 человек (12 поляков и 6 литовцев), большинство слабо говорило на польском языке... а выявленный актив не желает работать среди нацмен населения» [Там же, л. 71].

На I Северо-Кавказском краевом совещании секретарей греческих подотделов нацмен в феврале 1925 г. в Кубанском округе, где проживало свыше 84 тыс. греков, имелось всего 30 греческих коммунистов, в том числе кандидатов, «из коих только 7 человек достаточно грамотны и политически развиты» [16, д. 109, л. 10].

Сложность партийной работы среди армянского населения края обуславливалась значительной долей беженцев, которые не владели русским языком. I Краевое совещание секретарей армянских секций подотдела нацмен агитаторов в 1925 г. отмечало, что «работа (партийная. – *А. А.*) среди армянских масс велась слабо, в особенности селах и деревнях, что объясняется недостаточным вниманием и руководством со стороны парторганизаций, слабостью связи, отсутствием средств и работников» [Там же, д. 165, л. 7]. Вовлечение армянского населения в партийное строительство шло крайне низкими темпами. Согласно отчёту Кропоткинской армянской секции за 1927 г., в городе, где проживало 2,2 тыс. армян «имеется всего членов и кандидатов ВКП(б) 8 человек армян, они не принимают участие в работе “нацмен”. Беспартийный актив имеется от 35 до 50 человек, работа с ними ведется очень слабо...» [10, д. 98, л. 79].

С наибольшими трудностями в области партийного и советского строительства краевая партийная организация сталкивалась в районах с кочевыми народами, где наиболее крепко сохранились архаичные социальные институты. Например, татаро-туркменское население края было разбросано по нескольким округам. Это значительно затрудняло работу среди тюркского населения. Так, в Донском округе на 3 тыс. туркменско-татарского населения приходилось только 9 членов партии и 12 комсомольцев. Партийное строительство затруднялось тем, что 85% татар в округе были неграмотны [Там же, д. 54, л. 3]. Аналогичная ситуация складывалась среди калмыцкого населения Сальского округа. Большевики полагали, что причиной сложившейся ситуации было то, что эти народы «не пережили период промышленного капитализма», поэтому «у них отсутствовал пролетарский элемент» [7, д. 421, л. 51].

Помимо социально-экономических и культурных факторов, затруднявших процесс партийного строительства в национальной среде, в ряде случаев большую роль играли политические причины. Наглядным примером служила ситуация в Мясниковском национальном (армянском) районе Донского округа, партийная организация которого в 1926 г. была полностью разгромлена в связи с так называемой «гадзиевщиной». Прежнее партийное и советское руководство донских армянских сёл во главе с братьями Гадзиевыми было в полном составе репрессировано и исключено из партии [18, д. 1, л. 3, 5]. В результате районную партийную организацию пришлось формировать практически заново с привлечением партийцев-армян из Ростово-Нахичеванской и других партийных организаций. Принимаемые в партию активисты проходили тщательный контроль «путём изучения архивов Чалтырской и Крымской ячеек, всех членов организации, принятых через эти ячейки... для проверки их прошлого и партийности» [Там же, л. 3]. Чрезвычайные меры по восстановлению партийных ячеек в армянских сёлах Мясниковского района были обусловлены тем, что «отсутствие партактивистов на местах лишило Оргбюро возможности осуществлять руководство крестьянством района. Работа сельсоветов, кооперации, КОВов (крестьянских обществ взаимопомощи. – *А. А.*) и других организаций пойдёт самотёком...» [Там же, л. 5].

Ключевым фактором, затруднявшим партийное строительство, было отсутствие в национальной среде широкой прослойки пролетариата, который составлял основу краевой партийной организации. Уже в 1924 г. рабочие в её составе составляли 51% членов [16, д. 856, л. 33]. Значительная часть проживавших в городах представителей дисперсных этносов (татары, армяне, ассирийцы и т.д.) была маргинализирована или занята в сфере обслуживания, перебиваясь случайными заработками [5, д. 108, л. 76; 10, д. 54, л. 3, 9]. Многие рабочие на крупных предприятиях, например немцы, в городской среде быстро ассимилировались [9, с. 190].

В сложившейся ситуации важнейшей задачей провозглашалось формирование национального пролетариата. Согласно постановлению Президиума Северо-Кавказского краевого исполкома «в целях создания кадров промышленного пролетариата» на промышленных предприятиях края предлагалось разместить «400 человек нацменов следующих национальностей: армян – 100, греков – 75, немцев – 100, калмыков – 50, туркмен – 50, шапсугов – 25 человек» [6, д. 1282, л. 20]. Национальный пролетариат в перспективе должен был составить ядро партийных активистов дисперсных этносов. Несмотря на предпринимаемые меры, этого было недостаточно. Подавляющая часть представителей дисперсных этносов в регионе проживали на селе. В сельских национальных районах основная ставка в рамках партийного строительства делалась на бедняцко-батрацкий крестьянский элемент. Дефицит рабочих восполнялся за счёт включения в их состав батраков – сельскохозяйственного пролетариата, в результате чего доля представителей наёмного труда значительно возрастала. Так, если в феврале 1931 г. в Ванновской райпарторганизации рабочих и батраков насчитывалось всего 30 человек, то к 1932 г. их численность уже достигала 106 членов. Однако, несмотря на подобные статистические приемы, количество крестьян-партийцев по-прежнему преобладало – 130 и 157 человек соответственно [11, д. 52, л. 20]. В парторганизации Греческого района, где индустриальный сектор играл значительную роль, в 1932 г. насчитывалось 52 рабочих, 25 батраков, 161 колхозник, 20 служащих [14, д. 15, л. 41].

Наиболее высокие темпы партийного строительства наблюдались в национальных районах. Так, в Ванновском районе партийная организация увеличилась с 85 человек (53 члена и 32 кандидата в члены ВКП(б)) в 1929 г. до 249 партийцев к 1 февраля 1931 г. 1 января 1932 г. она насчитывала уже 272 члена и кандидата [11, д. 16, л. 20, д. 52, л. 20]. В Армянском районе за период с 1930 по 1931 гг. районная партийная организация возросла с 273 до 324 человек [13, д. 14, л. 36].

В то же время доля национальных партийных кадров была значительно ниже удельного веса титульного этноса в том или ином национальном районе. Исключение составлял Мясниковский район, где уровень представленности армян в партийных структурах был выше, чем в других национальных районах. Однако после разгрома «газиевщины» значительную долю партийного руководства района составляли приезжие кадры. Особенностью партийных структур в отличие от советских органов было отсутствие разделения по национальному признаку. Принцип интернационализма был краеугольным камнем в рамках партийного строительства большевиков. Это значительно осложняло вовлечение представителей национальных меньшинств в партию, особенно на низовом уровне, по причине их малограмотности.

Наиболее заметно проблема нехватки национальных партийных кадров обозначилась с началом коллективизации. Низкие темпы коллективизации в национальной среде обуславливались дефицитом национального партийного актива на местах. В ходе обследования немецких колоний Северо-Кавказского края в конце 1928 г. фиксировался «слабый рост партии за счёт немцев». В числе недостатков работы партийных структур отмечалось, что «ни один из райкомов партии, на территориях которых находятся немколонии, не ставит перед партячейками конкретной задачи по вовлечению определенного количества немцев в партию...» [11, д. 16, л. 107]. VII Районная партийная конференция в 1932 г. отмечала «плохую постановку работы по выдвижению национального низового актива» и «слабый рост парторганизации – на 9%, особенно слабый процент за счёт женщин и немцев» [Там же, д. 52, л. 3]. Несмотря на рост Ванновской партийной организации, доля немцев в ней практически не изменилась и составила в 1928 г. и 1932 г. 21,2% и 22,8% соответственно [Там же, д. 16, л. 20, 22, д. 52, л. 20]. Такое положение объяснялось «недостаточной работой среди немцев... недостаточной подготовкой кадров низовых партработников немцев» [Там же, д. 52, л. 21].

Значительно успешней коренизация партийного аппарата проходила в Армянском районе. Это объяснялось тем, что армяне составляли более 85% населения района, а также гораздо более значительным количеством подготовленных армянских партийных работников в Северо-Кавказском крае, которых для партийной работы перебрасывали в Армянский район, в том числе из Ростова-на-Дону, Нахичевани, Мясниковского района, а также из Армении. Кроме этого, армяне, в отличие от немцев и греков, не имели возможности массового выезда за рубеж – для них была характерна положительная миграционная динамика, – что значительно повышало мотивацию интегрироваться в советскую социально-политическую систему. Тем не менее, несмотря на более высокие темпы коренизации партийного аппарата в Армянском районе, доля армян в партийной организации района была значительно ниже удельного веса армянского населения (85-90%), составляя 65,7% в 1940 г., когда политика коренизации была свёрнута [13, д. 14, л. 36].

В ряде национальных районов политика коренизации осложнялась клановыми противоречиями, которые носили этнический и кровнородственный характер. Так, в Шапсугском районе фиксировалась «подмена классово-борьбы фамильной и родственной» [12, д. 6, л. 11]. Среди членов и кандидатов ВКП(б) фиксировалось значительное количество «черкесской знати». Между этнически близкими черкесами и шапсугами отмечались высокий уровень конкуренции и борьба за влияние в партийном и советском аппарате. До чистки 1934 г. доля шапсугов и черкесов в районной партийной организации составляла 50%, после – снизилась до уровня 41,2%. В 1937 г. она составила 34% [15, д. 22, л. 1-2].

Коренизация аппарата Греческого райкома к 1932 г. достигала 75% [14, д. 15, л. 29]. Из 14 секретарей партячеек 10 являлись греками. В то же время средний удельный вес греков в партийной организации района, в том числе в его первичных структурах, составлял 50,7% [Там же, л. 41]. Из 45 женщин, входивших в районную партийную организацию, 22 были гречанки, 21 – русская и 2 – представительницы других национальностей [Там же, л. 38]. Таким образом, в Греческом РК ВКП(б) доля греков-коммунистов превосходила удельный вес всего греческого населения района, что можно признать большим достижением политики коренизации партийного аппарата на фоне остальных национальных районов региона. Однако в отчёте райпартконференции Греческого района отмечался чрезвычайно низкий политический уровень греческой партийной организации, большинство членов которой составляли молодые по партстажу коммунисты (50% принятых с 1929 по 1932 гг.) [Там же, л. 42]. Обращалось внимание также на низкий уровень политической подготовки партийцев, плохую дисциплину.

Директивное выдвижение национальных кадров на партийную работу обуславливало преобладание молодых и неопытных кадров. Аналогичная картина наблюдалась во всех без исключения национальных районах Северо-Кавказского и Азово-Черноморского края. В Шапсугском районе только за три года, с 1930 по 1932 гг., в партию было принято 78 человек, что составляло почти половину состава всего райкома [15, д. 22, л. 14]. Политический уровень большинства партийцев был чрезвычайно низок. Несмотря на регулярно проводимые чистки партийных рядов в 1937 г., отмечалось, что ситуация в области подготовки национальных кадров принципиальным образом не изменилась: «...уровень нашей парторганизации очень низок. Многим товарищам из коренных националов чрезвычайно трудно осваивать партработу...» [Там же, л. 7].

В районной партийной организации Калмыцкого района в январе 1935 г. насчитывалось 82 человека [17, д. 2, л. 22]. Из 17 руководящих районных работников Калмыцкого района доля калмыков составляла 35% (6 человек). 1-й секретарь, имевший партийный стаж с 1920 г., был переведён на данную должность из Майкопского РК ВКП(б). Партийцы-калмыки, в том числе 2-й секретарь райкома, имели партийный стаж не более 4-5 лет [Там же, л. 49]. Массовый наплыв коммунистов в районную партийную организацию начался во второй половине 1930-х гг. на фоне партийных чисток, а также решений 18 съезда ВКП(б) в марте 1939 г., принявшего новый Устав партии. Если в ноябре 1938 г. в Калмыцком районе числилось 150 членов партии, то через год уже 277 коммунистов [Там же, д. 10, л. 75]. Рост партийной организации района в этот период облегчался свёртыванием коренизации.

Следствием низкой квалификации и отсутствия опыта работы национальных партийных кадров стали низкие темпы коллективизации в национальной среде, поскольку партийные ячейки не могли организовать должной работы, в том числе среди бедняцко-батрацкой части населения. По итогам обследования немецких колоний Северо-Кавказского края в 1928-1929 гг. подчёркивалась «слабая постановка работы партячек среди бедноты... Партячейки имеют смутное представление о форме содержания работы среди групп бедноты. Отсюда работа с беднотой не носит систематический характер. Основной причиной слабой работы партячек является отсутствие партвоспитательной работы в отсутствие партучёбы. Все партшколы и кружки в прошлом году распались и в этом году работа по партпросвещению начата только сейчас и то при... крайне слабой сети... Особым недостатком партработы является то, что отсутствует работа по подготовке низового партактива из немцев» [16, д. 751, л. 109].

С началом коллективизации в национальных районах и сельсоветах произошла реорганизация партийных ячеек по производственному (колхозному) принципу. Однако низовые партийные структуры считались наименее подготовленными к реализации партийно-государственных задач. Их кадровый состав был слабо укомплектован. Уровень политической сознательности и организационного опыта у рядовых партийцев был чрезвычайно низким. В мае 1938 г. на VI Районной партийной конференции Греческого района отмечалось, что «первичные парторганизации недооценивают партийную учёбу. Они не занимаются вопросом партийной учебы... Парторганизаторы не знали, что делать, у них нет плана работ и они работают самотёком» [14, д. 67, л. 48-49]. На закрытом районном партийном совещании Калмыцкого района в августе 1935 г. отмечалось, что «партийно-массовая работа еще недостаточная, низы берут пример с верхов, а районные партшколы... только начали работать» [17, д. 2, л. 1].

В связи с этим особое значение придавалось повышению образовательного уровня национальных партийных работников через создание специальных курсов, школ и т.д. В Северо-Кавказском крае функционировала сеть партийных школ в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Таганроге, Новороссийске, Армавире, Геленджике. При русскоязычных университетах, пединститутах, техникумах создавались отделения для национальных меньшинств. С 1925 по 1936 гг. в Новороссийске действовала краевая (национальная) совпартшкола им. Сталина [8, с. 106]. Большое внимание уделялось политической работе на местном уровне. В частности, рекомендовалось «провести широкую массовую работу среди беспартийного актива по вовлечению его в сеть партпросвещения» [12, д. 6, л. 24]. Так, за период с 1934 по 1937 гг. в Шапсугском районе на шестимесячных курсах партторгов прошли подготовку семь человек, пять из которых были черкесами и шапсугами [Там же, д. 53, л. 10]. В Армянском районе «общей принятой формой массовой партучебы является Начальная партшкола» [13, д. 14, л. 27].

В условиях дефицита партийных кадров и их невысокого уровня подготовки большое значение придавалось воспитанию и использованию беспартийного национального актива в форме кандидатских групп, групп сочувствующих и др. Беспартийный актив должен был стать основным потенциальным источником развития партийной сети в национальной среде и пополнения местных партийных ячеек. Так, в отношении немецкого населения краевые власти требовали «более решительного выявления и подготовки беспартийного актива из немецких крестьян» [16, д. 751, л. 109]. Окружком и райкомом ВКП(б) поручалось: «а) организовать систематическую работу в немколониях по выявлению и воспитанию кадра беспартийного актива из немецких батраков и бедняков и более усиленного вовлечения их в партию; б) принять меры к расширению сети партячек в немецких колониях, для чего использовать в большей мере кандидатские группы» [Там же, л. 43].

Таким образом, партийное строительство в этнической среде было важнейшим направлением национальной политики, маркером интеграции национальных меньшинств в советскую политическую систему. Наибольших результатов в этом направлении удалось добиться в национальных районах, где были созданы наиболее благоприятные условия для вовлечения национальных меньшинств в партию. Однако даже в них доля партийцев титульных национальностей не соответствовала доли национальных меньшинств в районе. Кроме того, несмотря на рост численности и доли этнического представительства, прежде всего в аппаратах райкомов, качественный состав партийцев на низовом уровне оставался чрезвычайно низким. Важнейшей проблемой был языковой и культурный барьер, который до начала войны так и не удалось преодолеть. На фоне других направлений коренизации (советское строительство, образование, культура) динамика «национализации» партийных организаций была значительно ниже. Во многом именно это и предопределило сворачивание политики коренизации во второй половине 1930-х гг. Доля представителей дисперсных этносов в районных партийных организациях стала сокращаться, в том числе за счёт массового приёма в партию, прежде всего, русского населения. Тем не менее именно в 1920-1930-е гг. – особенно в годы первых пятилеток – удалось сформировать ядро национальных партийных кадров, сыгравших важную роль в процессе национального строительства и интеграции национальных меньшинств в советское идеологическое и государственно-правовое пространство.

Список источников

1. **Акопян В. З.** Армяне Ставрополя и Терека. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 264 с.
2. **Акопян В. З.** Государственные и партийные органы по делам национальных меньшинств Юга России (1920-1930-е гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 264 с.
3. **Акопян В. З.** Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20-30-е годы XX века. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. 202 с.
4. **Васильев И. Ю.** Некоторые аспекты этнокультурной политики советской власти на Кубани в 1920 – начале 1930-х гг. // Традиционная культура народов Краснодарского края и Северного Кавказа: к 100-летию Л. И. Лаврова: материалы научной конференции. Краснодар: Традиция, 2009. С. 273-282.

5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 6.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-299. Оп. 1.
7. ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1.
8. **Иванцов И. Г.** Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Кавказская типография, 2013. 128 с.
9. **Игнатова М. Е.** Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20-40-е гг. XX века: дисс. ... к.и.н. Краснодар, 2005. 244 с.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1.
11. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1.
12. ЦДНИКК. Ф. 656. Оп. 1.
13. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1.
14. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1.
15. ЦДНИКК. Ф. 6560. Оп. 1.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1.
17. ЦДНИРО. Ф. 51. Оп. 1.
18. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1.
19. **Цуциев А. А.** Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Specificity of Party Development among Disperse Ethnic Groups of the Don, Kuban and Black Sea Regions in the 1920-1930s

Aver'yanov Anton Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Southern Federal University, Rostov-on-Don
avaveryanov@sfsedu.ru

The article examines the basic trends and mechanisms of party development among national minorities of the Don, Kuban and Black Sea regions in the 1920-1930s. The author reveals specificity of the process of nominating disperse ethnic groups' representatives for posts in local party bodies. Comparative analysis of this process in the national communities is conducted. It is shown that the national minority regions were among the leaders in terms of party development among disperse ethnic groups. However, even in these regions, party development was relatively slow in comparison with other forms of integration.

Key words and phrases: North Caucasian region; Don region; Kuban region; Black Sea region; disperse ethnic groups; national minorities; party development.

УДК 94(47).084.3

Дата поступления рукописи: 13.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.4>

В статье дан анализ отношения сельских обществ района восстания к повстанческому движению тамбовских крестьян. Установлены факторы, которые определяли позицию местных жителей в вооруженной борьбе с властью. На основе архивного материала выявлены формы воздействия повстанцев на мирное население, а также методы, примененные партийным руководством и военным командованием губернии для подавления крестьянского протеста. Сделан вывод о том, что противоборствующие стороны основывали свои действия на коллективной ответственности и иных традиционных принципах общинного самоуправления.

Ключевые слова и фразы: Тамбовское восстание; сельские общества; повстанцы; коммунисты; круговая порука; публичные расстрелы; заложники.

Безай Олег Васильевич

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор

Тамбовский государственный технический университет
obezay70@mail.ru; vladyka62@mail.ru

Сельские общества «мятежного» района как участники и некомбатанты Тамбовского восстания 1920-1921 гг.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-09-00149 «Феномен “красного” повстанчества в гражданской войне:
сопряженность идейных установок, организационных и военных решений
(Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».*

Актуальность обращения к теме участия сельских обществ в повстанческом движении периода Гражданской войны обусловлена потребностью научного осмысления феномена крестьянских восстаний. Грядущее